

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ И ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА

IX ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ИО ИВ АН
(автоаннотации и краткие сообщения)

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
1973

и являвшихся соратниками и помощниками этих последних. Отсюда и родилась характеристика этих званий как должностей в аппарате управления, фактически еще несуществовавшего, например, при Угунае. Такое должностное их значение возникло позднее, с созданием Агудой должностной иерархии "богиле", названия отдельных должностей которой он заимствовал из родовых и племенных званий своего племени ваньянь. Появление нового звания "дубоцзиле", т.е. верховного вождя, очевидно отражает фактическое объединение "немирных" чжурчженей в правление Уясу (II03-III3). Впрочем, даже в период завершения этого объединения существовало китайское по происхождению звание "госян" ("соправитель", "канцлер"), сосуществовавшее со званием "дубоцзиле". Звание "госян" давали лицам, осуществлявшим очень важные обязанности, например, связи с киданьским двором. Угунай - глава племени ваньянь - его не имел, а Ята - вождь одного из родов этого же племени - имел. При Ингэ это звание получил сын его старшего брата - Хэчжэ, обойденный наследством, при Агуда - его родич Сагай.

Таким образом, рассмотрение главнейших званий и титулов чжурчженских вождей до провозглашения государства Цзинь (III5), как иноземных, так и собственно чжурчженских, не свидетельствует о наличии должностной государственной нагрузки. Лишь с вступлением в период "варварского" государства (рубеж XII в.) чжурчженские звания и титулы начали приобретать государственную окраску, и система "богиле", созданная в III3 г., явилась первым аппаратом управления государственного типа, все четыре-пять должностей которого, однако, заимствовали звания старой племенной структуры (кроме звания "богиле").

С.Г.Кляшторный

РОЛЬ СОГДИЙЦЕВ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ТЮРКСКОГО И УЙГУРСКОГО КАГАНАТОВ (VI-IX вв.)

Как показано в ряде работ (С.В.Киселев, А.Н.Бернштам и др.) основой хозяйственной деятельности тюркских и огузских (уйгурских) племен было экстенсивное кочевое скотоводство. Различные формы скотоводческого хозяйства сочетались с неполной оседлостью, позволявшей, в очень ограниченных масштабах

и строго локализовано, заниматься земледелием. Некоторые родовые группы специализировались также на добыче руды, выплавке и обработке металла, о чем свидетельствуют письменные и археологические источники. Получает развитие межплеменной обмен. Все же эти домашние методы производства и распределения земледельческих продуктов и ремесленных изделий никак не могли удовлетворить возрастающих потребностей консолидированных в государство племен, значительная часть которых была вырвана постоянными войнами из замкнутого цикла примитивного натурального хозяйства. В турецких памятниках и других источниках прямо названы главные из тех продуктов, которые поступали извне — это зерно и шелк, хлопчатобумажные ткани и железо, золотые и серебряные украшения и земледельческие орудия.

Военная добыча обогащала в основном аристократию, но никогда не была важным источником поступления той продукции, нужда в которой была у кочевников. Политический контроль над странами оседлой цивилизации обеспечивал поступление дани в кочевые ставки, однако к началу УП в. такой контроль был в значительной мере утрачен. Иное дело пограничная торговля — ее всячески добивалось и в ней прежде всего было заинтересовано скотоводческое население Центральной Азии. Казалось бы их естественным партнером был Китай. Но на протяжении чуть ли не двух тысячелетий пограничная торговля рассматривалась в Китае лишь как средство политического контроля над "варварами", монополизировалась императорским двором и предельно ограничивалась. За двести лет существования Туркского каганата имеются только несколько сообщений об открытии меновых рынков на китайской границе. Оставался открытым еще один путь хозяйственной кооперации — перенесение производства необходимых продуктов на территорию, постоянно контролируемую туркскими, а впоследствии уйгурскими каганами.

Еще в недавнее время (в том числе и в моих работах) эта разновидность экономического симбиоза кочевого и оседлого населения Центральной Азии рассматривалась как явление спорадическое, обусловленное выводом в степь военнопленных — земледельцев и ремесленников, которые и обслуживали ставки кочевых вождей. Пленных и перебежчиков из Китая селили на своих землях уже гунны. Наиболее ярким примером такой политики считалась постройка чингизидами Каракорума, куда стоялись со всех по-

коренных земель искусные мастера. После публикации новых памятников, позволяющих по-новому интерпретировать и старые материалы, можно утверждать, что именно в древнетюркских государствах Центральной Азии этот путь обеспечения нормальной жизнедеятельности общества, большая часть которого состоит из кочевников-скотоводов, оказался наиболее предпочтительным и применялся наиболее широко, но в иных, чем у гуннов и монголов формах.

Открытие Бугутского (VI в.) и Сэврэйского (VIII в.) согдианских памятников, наряду с уже известной Карабалгасунской стелой (IX в.), показывает важную культурно-политическую роль согдийцев в центральноазиатских империях раннего средневековья. Однако, согдийское население каганата состояло отнюдь не только из приближенных кагана. Когда в 630 г. первый Тюркский каганат пал, китайцами были захвачены и уведены на юг многие тысячи согдийцев. Это были не придворные и купцы, а ремесленники и земледельцы. Последующие события подтверждают правильность такого предположения. Поселенные в Ордосе согдийцы выплачивают двору дань тканями, которые они изготавливают, и создают в новых местах оседлые поселения. Когда в 691 г. Тюркский каганат возродился, его первые каганы требуют у танского двора возвращения потомков уведенных за Великую стену согдийцев и добиваются своего. В Уйгурском каганате, где интенсивно формировалась городская культура, строителями столичных городов стали согдийцы. Под влиянием среднеазиатских образцов возводились Ордубалык и Байбалык, ставки в Хангае и уйгурские города-крепости в Туве¹.

Вероятно, результаты земледельческой деятельности согдийцев и оседлой части тюркского населения в малоблагоприятных природных условиях Монголии были ограничены, но именно согдийцы обеспечили каганату интенсивные экономические и политические связи с богатыми городами-оазисами Восточного Туркестана, наладили, в обход китайских гарнизонов, караванную торговлю с Ча-чем, Самаркандом и Бухарой. Их деятельность содействовала и собственно тюркской оседлости, включая городскую жизнь, получившей особое развитие в Уйгурском каганате. Таким образом, в экономической и, отчасти, политической сфере, согдийцы в немалой степени содействовали провалу усилий китайского двора хозяй-

ственно изолировать тюрков и тем склонить их к признанию китайского сюзеренитета.

I) Вопросы генезиса древнеуйгурской городской культуры весьма сложны и археологический материал для их решения еще недостаточен. Об участии согдийцев в строительстве городов существует прямое упоминание в надписи уйгурского кагана Баян-чора. В различных источниках упомянуты семь крупных уйгурских городов в Монголии; в Туве сейчас насчитывается шестнадцать городов уйгурского времени.

Е.И.Кычанов

СУДОПРОИЗВОДСТВО В ТАНГУТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В ОПИСАНИИ СЛОВАРЯ "ЖЕМЧУЖИНА В РУКЕ" (II90)

Тангутско-китайский (равно как и китайско-тангутский) словарь "Жемчужина в руке" многократно был объектом самых разнообразных исследований. Уже обращалось внимание и на то, что третий, фразеологический раздел третьей главы этого словаря - "Дея людей", местами представляет собой связный текст, повествующий о тех или иных аспектах религиозной и государственной деятельности тангутов. В одном из таких отрывков, следующим за перечнем управлений в административном аппарате Ся, и содержатся сведения о процедуре ведения судебных дел в тангутском государстве:

"Правители округов, вице-префекты (тунбань), начальники управлений (чжэнтин), передающие приказы (чэнчжи), столоначальники, делопроизводители, приказные и надзиратели руководят всеми старшими и младшими должностными лицами. /Им/ запрещается волокита в ведении дел, /они/ не имеют права допускать какие-либо упущения по службе, не должны действовать пристрастно и нарушать законы. Изучая дела и вынося по ним решения, /должностные лица/ обязаны поступать в полном соответствии с законом, а, управляя народом, /они/ не должны допускать непослушания. Очевидно, что есть люди высокие и низкие. Благородные мужи (цзюньцзы) чтут предписания морали и этикета (ли), а подлые люди утрачивают путь добродетели. Утратив путь добродетели, /тако-